

О капитанѣ Кюненѣ.

Я долго жилъ въ Нижнемѣ, и часть моей души осталась на Волгѣ. Поэтому, давно разставшись съ нею, я продолжаю слѣдить за всѣмъ, что на ней происходитъ, и просматриваю приволжскія газеты.

На дняхъ онѣ принесли небольшое извѣстiе, которое, конечно, утонаетъ среди грохота огромныхъ трагическихъ событiй, но въ которомъ тѣмъ не менѣе слышится характерная и глубокая драма.

Существуетъ „Пароходное Общество по Волгѣ“. Старое Общество, пустившее по рѣкѣ глубокіе бытовые корни. И въ этомъ Обществѣ долго существовалъ капитанъ М. И. Кюненъ. Кюненъ считался хорошимъ капитаномъ. Служилъ давно, много лѣтъ „бѣгалъ“ по Волгѣ мимо горъ и луговъ, зналъ каждый буеракъ и каждый шиханъ въ Жигуляхъ, и много помощниковъ выучилось подъ его руководствомъ.

И былъ этотъ капитанъ нѣмецкаго происхожденiя. Волга сжилась давно съ такими капитанами Кюненами, какъ сжилась ниже Казани съ татарами и мордвой, а въ низовьяхъ—съ калмыками и нѣмцами изъ Сарепты. Уберитсѣ съ Волги Сарепту, которая видала Пугача и великія волжскія смутенiя, и уже Волга станетъ не та; въ ея настоящей стародавней физіономіи произойдетъ какой то измѣнъ, что то нарушится бытовое, неотъемлемое, коренное. Все это уже сжилось съ нею, вросло крѣпкими корнями въ ея бытовую почву, стало ея органической чертой, какъ пароходъ „американскаго“ типа, безъ котораго, псалмъ „нѣмца“ Зевеке, Волга была бы уже не Волга.

Но... въ томъ то и дѣло, что все-таки капитанъ Кюненъ—нѣмецъ по происхожденiю. Фамилія какъ-будто не совсѣмъ нѣмецкая; звукъ отчасти французскій. Быть-можетъ, когда нибудь какой нибудь французскій гугенотъ переселился въ Пруссію во время гоненiй... потомъ безпокойная кровь погнала его дальше, поналъ онъ въ остзейскій край, оттуда—на Волгу, на которой и обжился. Его, конечно, знали на пароходахъ волжскаго Общества, и, быть-можетъ, этимъ или прошлымъ лѣтомъ пассажиры не разъ спрашивали: „А гдѣ же это капитанъ Кюненъ? Почему его не видно?“

Но капитана Кюнена на Волгѣ нѣтъ. Капитанъ Кюненъ не служитъ болѣе. Его фигура не украшаетъ пароходнаго мостика, когда пароходъ несетсѣ межъ Жигулевскими горами или дышитъ надъ астраханскими песчаными раздольями: капитанъ Кюненъ переселился на сушу и... на нижегородскомъ базарѣ продаетъ вмѣстѣ съ базарными торговками арбузы...

Какъ это могло случиться? Откуда такой странный переворотъ въ жизни волжскаго капитана и почему онъ, бывалый и опытный капитанъ, сѣлъ подъ-старость на эту арбузную мель, точно новичокъ, заѣхавшій въ весеннюю водоноль „въ поповскій огородъ“?

Не смѣйтесь, читатель... Я лично не знаю капитана Кюнена, но я зналъ много волжскихъ капитановъ и потому чувствую всѣмъ сердцемъ трагедію славнаго капитана Кюнена, о которомъ говоритъ и котораго хвалить органъ волгарей „Судоходецъ“. Я знаю, что всѣ волжскіе капитаны крѣпко ругаютъ и свою службу, и ея трудности, и мели, и перекаты, и путейцевъ, небрежно обставляющихъ фарватеръ, и сигнальщиковъ, поздно зажигающихъ фонари, и лѣвивые плоты, загораживающіе стрежень, и грузныя бѣлны, ползущія, какъ толстыя, отяжелѣвшія кучихи съ обѣднiи... Много крѣпкихъ словъ носится надъ Волгой по адресу бурлаковъ на плотахъ, водоливовъ на баржахъ, встрѣчныхъ товарищей-капитановъ... Но не одно изъ этихъ крѣпкихъ словечекъ направляется тоже по адресу собственной горькой судьбины... Каждый капитанъ проклинаетъ день и часъ, когда онъ впервые взялся за руноръ, особенно „объ армарку“; да въ мелководье, но... все-таки судьба волжскаго капитана—умереть съ честью въ своемъ званіи. Развѣ расшибетъ преждевременно ревматизмъ отъ сырыхъ ночей да отъ осенняго вѣтра, или хватитъ „кондрашка“ отъ неумѣреннаго согрѣванiя въ буфетѣ...

Но капитанъ Кюненъ еще въ „полной силѣ“, и никакихъ „естественныхъ причинъ“ для оставленiя службы не было. Вся бѣда въ томъ, что онъ,—русскій подданный, служившій вѣрой и правдой матушкѣ-Волгѣ,—все-таки считается человекомъ „нѣмецкаго происхожденiя“ (можетъ быть, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ), и кому то, очевидно, показалось обиднымъ, что... быть можетъ, когда онъ поддерживаетъ въ критическія минуты неизбежную капитанскую словесность, то при этомъ надъ Волгой раздается слегка нѣмецкiй акцентъ. И это теперь нарушаетъ гармонию волжскихъ звуковъ... „М. И. Кюненъ лишентъ мѣста потому, что онъ—„нѣмецъ“,—такъ и сказано въ мѣстной газетѣ. Не германскій подданный даже, а просто русскій нѣмецъ, потомственный подданный Русскаго государства, отдавшій свою жизнь честной работѣ на великой русской рѣкѣ. И теперь его, быть можетъ, съ семьей ссадили съ нея и посадили съ базарными торговками продавать арбузы.

Сомнѣваюсь, чтобы капитанъ Кюненъ сразу же принялся за это несоотвѣтствующее занятіе. Наверное, онъ пытался еще войти въ другой фарватеръ, причаливалъ къ другимъ пристанямъ... Но всюду ему „рубили чалки“, и несчастная судьбина капитана Кюнена неслась, какъ суденышко безъ руля, толкалась на разныя мели среди такихъ знакомыхъ, но стаблшихъ вдругъ холодными и чужими волжскихъ береговъ...

Капитанъ Кюненъ растерялъ грузъ, впалъ въ нищету, и лишь тогда пришлось ему вспомнить объ арбузахъ, которые когда то онъ возилъ на малубѣ рубки снизу изъ Астрахани и Дубовки...

Что дѣлать! Такимъ вотъ образомъ матушка-Волга проявляетъ нынѣ свой патріотизмъ. Долой нѣмцевъ!.. И не того нѣмца, который рветсѣ чрезъ наши боевыя линіи у Двинска, или стучится въ южныя двери чрезъ Румынію. А нашего русскаго капитана Кюнена, приготовившаго— для Волги не одно поколѣніе волжскихъ капитановъ... То-есть человека ни въ чемъ не повиннаго и имѣвшаго законное право на защиту всей своей жизни, опредѣлившейся долгимъ и честнымъ трудомъ на великой сердцевиной рѣкѣ...

Исторію карьеры капитана Кюнена и крушенiя ея, быть можетъ, подъ конецъ жизненнаго рейса рассказала нижегородская газета „Судоходецъ“,—рассказала, повидимому, съ сочувствіемъ. Другая газета „Нижегородскій Листокъ“, воспроизводящая это печальное происшествіе со старымъ и заслуженнымъ волжскимъ капитаномъ, говоритъ по этому поводу, что это кажется автору не проявленіемъ патріотизма, а проявленіемъ безсердечiя.

Да, конечно, это—проявленіе безсердечiя и несправедливости... Неужели матушка-Волга испугалась до такой степени, что видитъ истерическіе страхи и опасности отъ своихъ давнихъ работниковъ... И въ то время, когда такъ нужны люди,

она гонить ихъ съ рубки парохода на арбузную кучу...

Я увѣренъ, что это не такъ, что это злое выраженіе, не настоящее выраженіе волжскаго облика. Ослабленіе и страсть часто выдвигаютъ наружу худшія чувства и несправедливыя побужденія.

Да, конечно, — судьба капитана Кюнена — только маленькій эпизодъ, обида маленькаго человека... Но... подумайте, читатель, сколько теперь такихъ Кюненовъ по лицу широкой Руси, сколько ихъ тернить крушенію безъ вины и даже съ большими заслугами передъ отечествомъ, сколько слезъ и обиды, и, — главное, — слезъ повиженныхъ, обиды незаслуженной тернять эти тысячи людей лишь за то, что ихъ предки были нѣмцы въ то время, когда мы съ нѣмцами дружили... И вы, быть-можетъ, согласитесь, что исторія капитана Кюнена — не мелкое преслѣствованіе съ отдѣльнымъ маленькимъ человекомъ, а широкая какъ волжскій разливъ въ водоволье ненужной несправедливости, за которую благодушней Россіи послѣ того, какъ слышитъ мутная волна, можетъ стать жалко и стыдно.

Вл. Короленко.

(„Рус. В.“)